

«Мадонна» – не продаётся

Директор Нижнетагильского музея ИЗО – о шедеврах коллекции, проблемах с площадями и... необдуманном слове депутатов

Наталья ШАДРИНА

В Нижнетагильский музей ИЗО вернулась самая известная его картина – так называемая «Тагильская мадонна» или «Святое семейство», написанная кисти Рафаэля Санти. Эта работа была приглашена в Эрмитаж на выставку «Линия Рафаэля», где она экспонировалась вместе с произведениями из европейских галерей, Государственного музея ИЗО им. Пушкина и Третьяковской галереи. А пока «Тагильская мадонна» ещё находилась в Петербурге, депутаты Нижнетагильской городской думы предложили её... продать.

Произошло это на думской комиссии по социалитике, где директор Нижнетагильского музея ИЗО **Марина Агеева** говорила о нехватке выставочных площадей и недостатке места для хранения произведений. «Областная газета» посетила музей, чтобы узнать – как учреждение, открытое ещё в годы Великой Отечественной войны, живёт сегодня, с какими проблемами сталкивается и как сотрудники отнеслись к необычному предложению депутатов.

Чтобы музей жил хорошо, нужно обязательно что-то продать?

Если кто-то до сих пор думает, что музейная работа – что-то неспешное, по большей части архивное, то давайте разведем эти представления, описав один день директора НТМИИ. Ранним утром Марина Агеева участвовала в совещании с заместителем главы города, в 11 часов – встреча с «ОГ» (нас предупредили, что лучше не опаздывать, иначе график собьётся), затем – совещание уже у главы Нижнего Тагила. И этот день не исключительный – накануне в музее работало телевидение. Полагаем, для общего представления достаточно.

– Тем не менее финансовые проблемы остаются, их надо решать. Сколько сейчас зарабатывает музей?

– Немного, поскольку цена на билеты у нас невысокая (взрослые – 150 р. – Прим. «ОГ»). В допандемийные времена мы зарабатывали около 2 млн рублей в год. На эти средства делаем выставки – они не финансируются, закупаем всё необходимое для нашей внутренней жизни, для хранения и самих произведений в том числе. Понятно, что обозначенной суммы мало на что хватает, если скажем, один лист графики сегодня стоит от 15 до 300 тысяч рублей, не говоря уже о картинах. Кроме того, частично мы оплачиваем коммунальные расходы, два месяца охраны, содержим кассира.

– Город поддерживает?

– Да, большое ему спасибо. Самая затратная статья, которая финансируется из городского бюджета – зарплата. Частично коммунальные расходы – как уже мы сумеем сэкономить. Зимой, бывает, и печку включаем, чтобы посетители не мерзли.

– С соседней стеной, прямо скажем, жуткий сюжет – «Юдифь с головой Олоферна». Как вам в такой обстановке работать?

– Я как-то к ней привыкла. Это копия, сделанная в XVII веке очень хорошим художником с работы итальянца **Алессандро Аллори**. Ещё две картины Аллори, которые чуть-чуть отличаются, хранятся в Италии и в Австрии. По поводу жуткости – видела телесюжет, как по Эрмитажу Борис Писотровский водит кого-то из директоров западных музеев. Тот ходит-ходит и говорит: «Что-то у вас мало отрезанных голов...» А у нас вот одна есть.

– Площади – самый большой ваш вопрос?

– Безусловно. Нам опреде-

ПАВЕЛ ВОРОЖКОВ

– Должен быть отдельный зал под западное искусство, но поскольку площадей нет – эти шедевры висят по кабинетам, потому что на стене – самое лучшее хранение»

– Нет. Были времена, когда город распределял заводы, они брали шедевр над культурными учреждениями. У нас был «Уралхимпласт». Сегодня другие отношения, в основном грантовые. В прошлом году, к примеру, музей получил грант «Евразия» на проект «Трогать разрешается». Он нацелен на людей с проблемами зрения, но и не только. Скульптуру в музее трогать категорически нельзя. А народу хочется (смеётся). Так вот в коллекции у нас много гипсовых скульптур, и мы взяли направление на их перевод в бронзу.

– Город поддерживает?

– Да, большое ему спасибо. Самая затратная статья, которая финансируется из городского бюджета – зарплата. Частично коммунальные расходы – как уже мы сумеем сэкономить. Зимой, бывает, и печку включаем, чтобы посетители не мерзли.

– С соседней стеной, прямо скажем, жуткий сюжет – «Юдифь с головой Олоферна». Как вам в такой обстановке работать?

– Я как-то к ней привыкла. Это копия, сделанная в XVII веке очень хорошим художником с работы итальянца **Алессандро Аллори**. Ещё две картины Аллори, которые чуть-чуть отличаются, хранятся в Италии и в Австрии. По поводу жуткости – видела телесюжет, как по Эрмитажу Борис Писотровский водит кого-то из директоров западных музеев. Тот ходит-ходит и говорит: «Что-то у вас мало отрезанных голов...» А у нас вот одна есть.

– Площади – самый большой ваш вопрос?

– Безусловно. Нам опреде-

лено за год сделать 61 выставку. Получается, что каждую неделю мы должны открывать где-то новую экспозицию. Уму непостижимо. Сейчас музей размещается в трёх старинных особняках. Здание главного корпуса, где мы с вами находимся, построено в 1865 году и принадлежало купцу **Аксёнову** – тут был игорный клуб, рулетку крутили.

– С промышленными предприятиями в рамках спонсорства не сотрудничаете?

– Нет. Были времена, когда город распределял заводы, они брали шедевр над культурными учреждениями. У нас был «Уралхимпласт». Сегодня другие отношения, в основном грантовые. В прошлом году, к примеру, музей получил грант «Евразия» на проект «Трогать разрешается». Он нацелен на людей с проблемами зрения, но и не только. Скульптуру в музее трогать категорически нельзя. А народу хочется (смеётся). Так вот в коллекции у нас много гипсовых скульптур, и мы взяли направление на их перевод в бронзу.

– Город поддерживает?

– Да, большое ему спасибо. Самая затратная статья, которая финансируется из городского бюджета – зарплата. Частично коммунальные расходы – как уже мы сумеем сэкономить. Зимой, бывает, и печку включаем, чтобы посетители не мерзли.

– С соседней стеной, прямо скажем, жуткий сюжет – «Юдифь с головой Олоферна». Как вам в такой обстановке работать?

– Я как-то к ней привыкла. Это копия, сделанная в XVII веке очень хорошим художником с работы итальянца **Алессандро Аллори**. Ещё две картины Аллори, которые чуть-чуть отличаются, хранятся в Италии и в Австрии. По поводу жуткости – видела телесюжет, как по Эрмитажу Борис Писотровский водит кого-то из директоров западных музеев. Тот ходит-ходит и говорит: «Что-то у вас мало отрезанных голов...» А у нас вот одна есть.

– Площади – самый большой ваш вопрос?

– Безусловно. Нам опреде-

лено за год сделать 61 выставку. Получается, что каждую неделю мы должны открывать где-то новую экспозицию. Уму непостижимо. Сейчас музей размещается в трёх старинных особняках. Здание главного корпуса, где мы с вами находимся, построено в 1865 году и принадлежало купцу **Аксёнову** – тут был игорный клуб, рулетку крутили.

– С соседней стеной, прямо скажем, жуткий сюжет – «Юдифь с головой Олоферна». Как вам в такой обстановке работать?

– Я как-то к ней привыкла. Это копия, сделанная в XVII веке очень хорошим художником с работы итальянца **Алессандро Аллори**. Ещё две картины Аллори, которые чуть-чуть отличаются, хранятся в Италии и в Австрии. По поводу жуткости – видела телесюжет, как по Эрмитажу Борис Писотровский водит кого-то из директоров западных музеев. Тот ходит-ходит и говорит: «Что-то у вас мало отрезанных голов...» А у нас вот одна есть.

– С соседней стеной, прямо скажем, жуткий сюжет – «Юдифь с головой Олоферна». Как вам в такой обстановке работать?

– Я как-то к ней привыкла. Это копия, сделанная в XVII веке очень хорошим художником с работы итальянца **Алессандро Аллори**. Ещё две картины Аллори, которые чуть-чуть отличаются, хранятся в Италии и в Австрии. По поводу жуткости – видела телесюжет, как по Эрмитажу Борис Писотровский водит кого-то из директоров западных музеев. Тот ходит-ходит и говорит: «Что-то у вас мало отрезанных голов...» А у нас вот одна есть.

– С соседней стеной, прямо скажем, жуткий сюжет – «Юдифь с головой Олоферна». Как вам в такой обстановке работать?

– Я как-то к ней привыкла. Это копия, сделанная в XVII веке очень хорошим художником с работы итальянца **Алессандро Аллори**. Ещё две картины Аллори, которые чуть-чуть отличаются, хранятся в Италии и в Австрии. По поводу жуткости – видела телесюжет, как по Эрмитажу Борис Писотровский водит кого-то из директоров западных музеев. Тот ходит-ходит и говорит: «Что-то у вас мало отрезанных голов...» А у нас вот одна есть.

– С соседней стеной, прямо скажем, жуткий сюжет – «Юдифь с головой Олоферна». Как вам в такой обстановке работать?

– Я как-то к ней привыкла. Это копия, сделанная в XVII веке очень хорошим художником с работы итальянца **Алессандро Аллори**. Ещё две картины Аллори, которые чуть-чуть отличаются, хранятся в Италии и в Австрии. По поводу жуткости – видела телесюжет, как по Эрмитажу Борис Писотровский водит кого-то из директоров западных музеев. Тот ходит-ходит и говорит: «Что-то у вас мало отрезанных голов...» А у нас вот одна есть.

– С соседней стеной, прямо скажем, жуткий сюжет – «Юдифь с головой Олоферна». Как вам в такой обстановке работать?

– Я как-то к ней привыкла. Это копия, сделанная в XVII веке очень хорошим художником с работы итальянца **Алессандро Аллори**. Ещё две картины Аллори, которые чуть-чуть отличаются, хранятся в Италии и в Австрии. По поводу жуткости – видела телесюжет, как по Эрмитажу Борис Писотровский водит кого-то из директоров западных музеев. Тот ходит-ходит и говорит: «Что-то у вас мало отрезанных голов...» А у нас вот одна есть.

– С соседней стеной, прямо скажем, жуткий сюжет – «Юдифь с головой Олоферна». Как вам в такой обстановке работать?

– Я как-то к ней привыкла. Это копия, сделанная в XVII веке очень хорошим художником с работы итальянца **Алессандро Аллори**. Ещё две картины Аллори, которые чуть-чуть отличаются, хранятся в Италии и в Австрии. По поводу жуткости – видела телесюжет, как по Эрмитажу Борис Писотровский водит кого-то из директоров западных музеев. Тот ходит-ходит и говорит: «Что-то у вас мало отрезанных голов...» А у нас вот одна есть.

– С соседней стеной, прямо скажем, жуткий сюжет – «Юдифь с головой Олоферна». Как вам в такой обстановке работать?

– Я как-то к ней привыкла. Это копия, сделанная в XVII веке очень хорошим художником с работы итальянца **Алессандро Аллори**. Ещё две картины Аллори, которые чуть-чуть отличаются, хранятся в Италии и в Австрии. По поводу жуткости – видела телесюжет, как по Эрмитажу Борис Писотровский водит кого-то из директоров западных музеев. Тот ходит-ходит и говорит: «Что-то у вас мало отрезанных голов...» А у нас вот одна есть.

– С соседней стеной, прямо скажем, жуткий сюжет – «Юдифь с головой Олоферна». Как вам в такой обстановке работать?

– Я как-то к ней привыкла. Это копия, сделанная в XVII веке очень хорошим художником с работы итальянца **Алессандро Аллори**. Ещё две картины Аллори, которые чуть-чуть отличаются, хранятся в Италии и в Австрии. По поводу жуткости – видела телесюжет, как по Эрмитажу Борис Писотровский водит кого-то из директоров западных музеев. Тот ходит-ходит и говорит: «Что-то у вас мало отрезанных голов...» А у нас вот одна есть.

Досье «ОГ»

Марина АГЕЕВА родилась в Верхней Туре.

● Окончила филологический факультет отделения «История искусств» УрГУ им. А.М. Горького.

● С 1973 года работает в Нижнетагильском музее ИЗО (1986–1989 – главный хранитель, с 1989 – директор).

● Заслуженный работник культуры РФ.

● Лауреат премии Министерства культуры Свердловской области им. А. Клера (2000, 2010). В 2017-м – за значительный вклад в развитие музейного дела.

«Я попала в музей, когда была ученицей школы. В Тагиле тогда организовалось научное общество учащихся, а при нём секция юных искусствоведов, как раз в музее. В 9–10-м классе начала водить экскурсии. Потом поступила в УрГУ, в то время для искусствоведов не было дневного отделения – училась на заочном, работая в музее. Получается, осталась тут на всю жизнь».

«Фашист пролетел» – Аркадий Пластов. В коллекции НТМИИ

«Наш музей был создан в годы войны – в 1944-м, решение приняли в 1943-м. Представляете?! И помещене нашлось, и средства на ремонт. И я бы по-прежнему, будь это музей боевой славы, а тут художественный, – говорит Марина Агеева. – Началось всё с выставки «Урал – кузница оружия», в те годы она проехала Свердловск, Тагил, Молотов (Пермь), Челябинск. А затем произведения как раз между этими городами и распределили.

Лет 15 назад московское издательство выпустило книгу «Война в картинах советских художников» – так вот у Третьяковской галереи взяли 18 работ, а у Нижнетагильского музея – 23. К примеру, у нас есть один из вариантов картины «Фашист пролетел», написанный в 1942 году **Аркадием Пластовым**. Сталин повёз её на Тегеранскую конференцию, чтобы показать, почему так бьётся русский народ. На картине мальчишка-пастух и его стадо, находящиеся далеко от войны, расстреливает немецкий лёгкий разведчик. Она имела колоссальное значение. И Пластов, понимая это, написал семь вариантов. Одна у нас, одна в Третьяковке, и где-то ещё пять»

ТОЧКУ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДЕТЕКТИВЕ МОГУТ ПОСТАВИТЬ В КОНЦЕ 2021 ГОДА

В 1924 году на чердаке господского дома в Нижнем Тагиле завхоз металлургического треста **Иван Колесов** нашёл почерневшую пальмовую доску, на которой выцвели следы старой живописи. Он отнёс её в краеведческий музей, там доску очистили и обнаружили на ней изображение мадонны с младенцем и надпись по кромке: «**RAFAEL URBINAS PINGEBAT MDIX**» («Рафаэль Урбинский написал в 1509 году»).

Для тех, кто не знаком с увлекательнейшей историей картины «Святое семейство», предлагаем прочитать материал «ОГ» на сайте oblgazeta.ru. А сами шагнём дальше – в том числе постараемся ответить на оставшиеся вопросы относительно её подлинности и возвращения в Нижний Тагил.

– Марина Владимировна, с декабря по март «Святое семейство» выставилось в Эрмитаже. Получается, картина часто гастролирует?

– «Мадонна» проехала от Калининграда до Владивостока – была в Ростове-на-Дону, в Саранске, в Казани, даже в Южно-Сахалинске. А вот в Санкт-Петербурге картина отправилась впервые. Эрмитаж прислал спецфургон, оплатил страховку...

– Сколько стоит страховка такой картины, если не секрет?

– Мы лишь предоставляем свою страховую оценку – скажем, несколько миллионов рублей. А сколько они платят – понятия не имеем.

– Сотрудник вашего музея обязательно картину сопровождает?

– Да, в случае перевозки в нашей и соседних областях, мы выдаём ящик с опломбированной картиной, её грузят в фургон – пристёгивают к стенке, чтобы она не прыгала, а была с фувроном как бы единым целым. Иногда перевозка в дальние музеи страны осуществляется самолётом. В случае с Эрмитажем фурун с картиной сопровождала охрана, а мы с реставратором добирались самолётом, прибыли к распаковке картины. Распаковали, проверили сохранность, при нас её повесили в экспозицию, при нас обмыли и сняли. А когда она выехала обратно, знали только мы с Эрмитажем.

– Вы сказали: «Мадонна» – перспективная картина. Во-первых, что это значит? А во-вторых, когда придёт конец спора о том, написал ли её Рафаэль или его ученики либо это, вообще, талантливая копия?

– Вот почему «Мадонна» поехала в Эрмитаж? Как сказал **Михаил Писотровский** (гендиректор Эрмитажа. – Прим. «ОГ»), уровень знаменитой коллекции, в которой она была – то есть собрание **Николая Демидова**, являющееся российским послом во Флоренции – уже о многом говорит. Перед тем как пригласить картину в Эрмитаж, к нам в Тагил приехала куратор выставки, чтобы посмотреть на произведение. Мы вызвали екатеринбургских экспертов – вскрыли противояднательное стекло, изучили

«Святое семейство» – Рафаэль Санти. В коллекции НТМИИ

красочный слой в ультрафиолете, в инфракрасных лучах – определили, что это действительно начало XVI века. Также просветлили картину рентгеном и обнаружили в верхнем слое пенти-менты (присутствие более ранних изображений. – Прим. «ОГ»). Художник не сразу написал руку мадонны в таком ракурсе. Это не стирается, а переливается. И правки видны, это говорит за то, что вещь не копия, а самостоятельная.

– После реставрации картина попала в Пушкинский музей?

– Да, как известно, картину нашли в 1924 году, тогда в Нижний Тагил приехал Игорь Грабарь – художник, организовавший реставрационное дело в России. Картина была в ужасном состоянии – разломана на две части, углы съедены, внутри поселился сашель. Это жуток, который ест дерево. Если видели в лесу трухлявые пень, то представляете, о чём я говорю. Бывает, сашель уничтожает целые дома. Грабарь говорил, что если бы картина пролежала ещё год, то тоже бы превратилась бы в труху. Ходы эти нужно было заполнить специальной мастикой. Грабарь увёз её на реставрацию в Москву, а после отдал в Пушкинский музей.

– Но почему же в 1970 году сотрудники музея вернули картину Тагилу?

– Как-то раз в разговоре я с **Викторией Марковой**, которая в Пушкинском музее отвечает за итальянское искусство XVI века. Я спросила её: «У вас там есть дело по нашей картине, можно я его скопирую?» Она вспыхнула: «Вот, журналисты пишут сенсации про вашу «Мадонну», вы что думаете, мы тут ничего не понимаем и отдали вам хорошую вещь?!» Примерно то же самое она несколько лет назад говорила телеканалу «Культура». А через какое-то время неожиданно приехала в Тагил... И вот сидим мы на банкетке напротив «Мадонны», и она говорит: «Как жаль, что по молодости я вам её отдала. Не знаю – Рафаэль не Рафаэль, но картина замечательная...»

В нашу последнюю встречу **Виктория Иммануиловна** сказала, что необходимо картину исследовать, что, возможно, насчёт авторства она была неправ... И поскольку мы повезли «Мадонну» в Государственный Эрмитаж, попросили **Михаила Писотровского** взять её на исследование в реставрационные мастерские. Многие виды исследования живописи можно сделать только в Эрмитаже, с их оборудованием и высокотехнологичными специалистами. К примеру, специальным прибором определить состав красок – если виден свинец, то это скорее всего XVII век и так далее.

PS: Выводы исследования реставраторов Эрмитажа пока нет. Как рассказала Марина Агеева, специалисты ещё не успели взять шпик красочного слоя, а также не шили рентгеновские снимки. Исследования продолжатся до конца года, или гораздо дольше, после чего мы, возможно, точно узнаем – действительно ли «Тагильская мадонна» именно та картина, что несколько веков назад хранилась в церкви Санта-Мария-дель-Поло.

ПАВЕЛ ВОРОЖКОВ